

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ДОКУМЕНТОВ

академик

Н.Н.Покровский

(Новосибирск)

**«ТЕКСТОЛОГИЯ» Д.С.ЛИХАЧЕВА
И ПРОБЛЕМЫ ИЗДАНИЯ
ДОКУМЕНТОВ XX ВЕКА**

Классический труд Д.С. Лихачева о текстологии памятников русской литературы¹, в немалой мере (хотя и далеко не исключительно) созданный на основании опыта изучения древних текстов, весьма важен и для исследователей советской документалистики что не всегда еще осознается. Это его значение имеет явную тенденцию усиливаться по мере того, как уходят в прошлое многие вынужденные традиции недоброй ВАковской специальности "01" (История КПСС), связанные с предельной засекреченностью главных документов эпохи и масштабным мифотворчеством. Приходится отметить, что и первые годы внезапного колossalного рассекречивания и скорых сенсационных публикаций чаще всего сопровождались крайним пренебрежением к тем вечным законам источниковедения и текстологии, обобщению и развитию которых посвящен упо-

¹ Лихачев Д.С. Текстология. Издание первое. Л. 1962; издание второе, переработанное и дополненное. Л. 1983.

минутный классический труд Дмитрия Сергеевича. Но по мере выхода в свет исторописи и тщательно подготовленных академических (по качеству, а не только по грифу) изданий значение правил и приемов, о которых писал Лихачев, становится все более очевидным, а встречающиеся и ныне отступления от многих из них – все более нетерпимыми.

Ведь фундаментальные законы источниковедения и текстологии едины для текстов разных эпох. Конечно, самое высокое мастерство исследователя состоит в выявлении специфических черт, приемов проявления этих законов для разных времен и разных типов источников, но сегодня все еще нередко приходится настаивать и на соблюдении самых базовых правил. Так например, для публикации постановлений Политбюро ЦК РКП (б) – КПСС следует решать те же вопросы, что и для указов государя и Боярской думы: проблемы аутентичного текста, авторства, датировки, подлинности, передачи резолюций и помет и т. д. Поэтому вполне остается в силе категорическое, многократно повторенное в "Текстологии" требование Д. С. Лихачева: "Сперва полностью изучить историю текста памятника, а потом критически его издать". Метко названные "косорукими" издания советских документов последних лет, когда достаточно было сделать в архиве ксерокопию документов и без дальнейших исследований отправлять их текст в набор, нанесли немалый вред, но, к счастью, в основном уходит в прошлое.

Перечислим некоторые из важнейших проблем, тщательное изучение коих обязательно при подлинно научном издании советских документов; каждой из них на материале иных текстов посвящена глава (а то и несколько) книги Лихачева.

Проблема полноты выявления и привлечения к анализу, изданию всех копий, списков, официальных и научных публикаций издаваемого документа, с которой тесно связан фундаментальный вопрос аутентичности его текста. Характернейшей чертой советской документалистики является

¹ Там же, изд. 2. С. 37

поразительное обилие копий (и нередко немалая трудность поисков подлинника). Даже с известного письма В.И. Ленина от 16. 03. 1922 г., когда сам автор категорически потребовал: "Копий не снимать", канцеляристы тут же сняли две небезинтересные копии, конч исследователи, понятное дело, даже не разыскивали, недоумевая, откуда секретнейший документ стал известен зарубежным публикаторам.

Между тем для анализа истории создания и функционирования документов крайне важно учитывать все их списки, подлинники и копии¹. Сейчас уже в серьезных изданиях не встретишь анекдотических случаев недавнего прошлого, когда исследователи находили в областных архивах выписки с некоторыми пунктами постановлений Политбюро ЦК РКП (б), касающимися данной области или проблемы и публиковали их как подлинные полные постановления (Ваденин В.И. Золото Церкви. Иваново, изд. 1.1993. С. 132 – 181; изд. 2. 1995. С. 198 – 149; подборки тех же документов в других выписках изданы в Екатеринбурге в 1993 г. и в Санкт-Петербурге в 1994 г.). Но и сегодня в ценных научных публикациях подчас не сопоставляют тексты материалов местных архивов с соответствующими фондами центральных органов (и наоборот!), не всегда указывают, что издается лишь часть документа, поступившая в какое-то ведомство. Подчас не имеют точных обозначений даже купюры, сделанные самими публикаторами².

¹ Кстати говоря, Лихачев не раз подчеркивал, что публикатор, издавая текст, создает новый список его; учет подобных списков также необходим при публикации документа, данные о предыдущих публикациях составляют важную часть легенды, иначе создается ложное впечатление, что в данном сборнике текст впервые вводится в науку. Именно этим иногда грешит текстологическая литература выполненная в некоторых других отношениях сборник: Западно-Сибирский комиссариат временного Сибирского правительства. Сост. и научн. редактор Шишгин В.И. Новосибирск, 2005. 247 стр. (Сравни: Законодательная деятельность белых правительств Сибири (ноябрь – ноябрь 1918 г.) Сост.. Черняк Э. И. Вып. 1 – 3 Томск, 1998.).

² УрО РАН. Проловальстенныи безопасности Урала в XX веке. Т. I. Отв. ред. Корнилов Г.Е. Екатеринбург 2000; Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке в свете архивных материалов. 1917 – 1941. Сб. документов. / Сост. Черепенина Н.Ю., Шкоровский М.В. Спб, 2000.

Практика последних лет наглядно показала, что для анализа текста документа важно не только не путать подлинный протокол (памятку, что и они бывают нескольких видов, разной полноты и информативности) с другим видом источника – выпиской из этого протокола, но и сличать их тексты. Хорошо известно, что на многих протоколах обозначалось, кому именно в центре и на местах направить такие выписки и какие именно пункты постановления выписывать. Сегодня нередко можно найти эти выписки, и не стоит пренебрегать такой возможностью: если сам протокол (особенно – с инициативными документами, кои и сегодня редко привлекаются к изданию) показывает, какрабатывались важные решения государственной власти, то подобные выписки с пометками на них иллюстрируют, как они выполнялись (или не выполнялись). И чем полнее (по поступлату, сформулированному Д.С. Лихачевым), проведено выявление всех этих издаваемых текстов, тем ценнее издание: «В текстологии главная беда... – пишет он, – это нелоработанность предварительной, черновой части исследования, исчезает всех списков, отказ от подведения вариантов, неосновательное исключение из рассмотрения части списков и другие проявления небрежности и лени»¹.

Именно учет разных списков инициативных и исполнительных документов с пометками на них позволил, например, С.Г. Петрову проследить конкретную картину функционирования государственного аппарата в 1921 – 1925 гг.²

К этому аспекту изучения и издания документа близка извечная текстологическая проблема подлинника и копии. Один из разделов «Текстологии» Д.С. Лихачева называется «Установление копии»; в нем он приводит примеры древнерусских рукописей, где копия помогает определить или понять подлинник либо заменить (с важными оговорками!) утраченный или не обнаруженный подлинник³. Проблема эта, хотя и с немалой спецификой, важна и для советской

¹ Лихачев Д.С. Текстология. Изд.2. С. 99 (подчеркнуто нами, – НГ).

² Петров С.Г. Документы делопроизводства ЦК РКП (б) как источник по истории Русской Церкви. Москва. 2004.

³ Лихачев Д.С. Текстология. Изд.2. С. 212 – 217.

документалистики. Время расставило здесь свои акценты. Сегодня чаще всего недоработки публикаторов в этом вопросе состоят в том, что вообще не обозначается или обозначается с недостаточной полнотой характер подлинника и, особенно, копии. (Правда, изредка случается и так, что публикатор вообще не в силах определить, издает он подлинник или копию и ограничивается странным определением «Машинописный текст»). И сегодня большинство даже очень ценных, важных изданий ограничиваются в легенде краткими формулировками «Подлинник», «Копия». Между тем важно отметить, рукописный или машинописный подлинник, есть ли в последнем случае рукописные вставки, являются ли подписи автографами¹, на каком он бланке, каковы пометы на нем и т. д. Бывают случаи, когда важен шрифт машинки², шифр секретной машинистки³. Не менее важна более полная характеристика копий и прежде всего – время ее создания. Не буду останавливаться на методах такого определения, их немало и случаи, когда архивная копия не поддается определению – исключение, а не правило. Исследователю крайне важно представлять, имеет ли он дело с современной подлиннику копией (идеальный случай – той же машинописной закладки, что полезно фиксировать) или же с позднейшими архивными копиями, созданными во время очередной «чистки» фонда и зачастую изрядно редактирующими документ и почти всегда аннулирующими его многих помет.

¹ Иногда даже встречаются такие определения: «подпись: И. Глущесов, Зиновьев. Подлинник, рукопись». Чей автограф (и вообще, автограф ли) – не указано; вообще автографичность всех подписей не определена и не оговорена. – Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918. Ред. и сост. Поялов Д.Б. М. 2006. 655 стр. К тому же в этом издании вообще не оговорены принципы передачи текста, текстологических примечаний нет.

² Это подчеркнула еще М.Н. Тихомиров в 1962 г. в своей лекции в Новосибирске.

³ Первоначальная редакция воззвания группы обновленческого духовенства от 10 мая 1922 г. – своеобразный манифест обновленцев – напечатана на машинке Реввоенсовета и занесена секретарем А.Д. Троцкого М.С. Глазином, залистирована членами Политбюро ЦК РКП(б) – Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. Т. I. М. – Новосибирск. 1997. С. 307 – 309.

Проблемы сохранения и изучения культурного наследия

Впрочем, и сегодняшние публикаторы часто не любят воспроизводить пометы, являющиеся, на наш взгляд, важной частью легенды к документу. На текстах как центральных, так и местных учреждений они позволяют уточнить датировку и авторство, подлинность, функционирование разных этажей власти¹. Поэтому мы считаем весьма при скорбной практику большинства сегодняшних публикаторов, ограничивающих легенду указанием архивного шифра и единственным словом «Подлинник» или «Копия». Формулировка «Заверенная копия» также недостаточна: публикатор должен определить, кем и когда она заверена.

Важной частью текстологического анализа Д.С. Аихачев справедливо считает датировку текста подлинника (протографа) и его списков (копий), отводя методам такой датировки целую главу. И хотя здесь особенно оказывается специфика эпохи создания источника, общие задачи такого анализа и даже некоторые его приемы совпадают. Поэтому Аихачев недаром соловал: «Особенно медленно развивается палеография нового времени»². Изучение новых почерков имеет особое значение для определения автографичности текста документа и подписей под ним. Сегодня уже трудно представить случаи недавнего прошлого, когда письмо-автограф А.Б. Красина приписывалось А.Б. Каменеву, но и поныне удручающее часто в публикациях документов чита-

¹ Внимание к пометам характерно, например, для изданий последних лет, осуществленных В.П. Донцовым. См. Нестор Махно. Крестынское движение на Украине. 1918 – 1921. М. 2006. ; № 323, с. 145 удалось датировать лишь по помете. Пометы активно используются и при датировках в другом издании с решающим участием того же ученого: Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Документы и материалы. В 4 т. М., 1998 – 2006. См. также издававшуюся им серию: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 томах. 1927-1939. Отв. ред. В.П.Донцов, А.Виола, Р.Минчак, а также публиковавшиеся В.П. Донцовым, С.А. Красильниковым и С.Г. Петровым тома серии «Архивы Кремля». Детально воспроизводятся пометы, записи и штампы в издании: Природные ресурсы, природоохранение и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919 – 1929). Отв. ред. Молодин В.И., Глушаков И.Г. Новосибирск, 2005. 290 стр. Однако многие публикаторы советской документалистики и сегодня считают внимание к пометам излишней роскошью.

² Аихачев Д.С. Текстология. Изд. 2. С. 289.

ем меланхолическое замечание «Подпись неразборчива». Иногда издатели документов местных фондов не в силах определить подпись, даже если перед ней указана должность видного местного или столичного функционера¹. Поэтому ведущиеся в ряде учреждений Архивной службы РФ подборки образцов почерков деятелей и канцеляристов XX в. – очень важное и своевременное дело, заслуживающее большой сводной публикации, включающей разные почерки одного лица и выявленные образцы подписей одного человека фамилией другого (например, А. Назаретян подписывался И. Сталиным, Л. Каменев – Г. Зиновьевым).

Конечно, датировка советских документов имеет свои трудности. Некоторые из них имеют несколько дат: создания инициативного текста, его принятия коллегиальным органом, его рассылки, публикации. Так, декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей был принят 16 февраля 1922 г., опубликован в «Известиях» 26 февраля, но с датой «23 февраля 1922 г.»; в деловой переписке того времени встречаются все эти даты; важно, чтобы при издании читатель документа знал, что за дата приводится в научном заголовке².

Иногда публикаторы, приводя в квадратных скобках определенную ими дату, не указывают оснований для подобной датировки или не используют всех возможностей для нее³.

Многие из приведенных выше проблем приходится учитывать при решении важнейшей текстологической проблемы определения для публикации аутентичного текста до-

¹ Продовольственная безопасность Урала в ХХ веке. Т. I... С.266, № 106; с.272, №115; с.274, №116 (подпись Цоруты); с.297, № 131 (то же); с. 302, № 135 и др.

² Локровский Н. Н. Время издавать источники. // Вестник РГНФ. 1996. №1. С.19.

³ Приведем пример, когда установленные границы датировки, публикаторы, использовавшие пометку для определения «багтилиз айт саэт» («не позднее 2 июля 1953 г.»), почесались обозначить легко вытекающую из содержания документа другую дату – «багтилиз рөйт саэт» (не ранее 13 мая 1953 г.): Реабилитации: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Сост. А.Артизов, Ю. Сычев и др. М., 2000. С. 55.

кументта. Для древнерусской текстологии это прежде всего проблема выбора при публикации из многочисленных списков памятника основного и привлекаемых для подведения разнотений, определение вставок и пропусков во всех этих списках с целью уяснения текста протографа. Обобщению и развитию подобного мирового опыта текстологов-медиевистов, исследователей текстов XVIII – XIX вв. посвящена основная часть монографии Д.С. Лихачева и особенно гл. 5¹.

Для изучающих советскую документалистику многие из этих проблем встают в несколько ином виде, но хочется отметить и случай изрядного их сближения, прекрасно решенный публикаторами. Это издание поистине рубежного документа новейшей российской истории – доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. Было выявлено 10 смысловых вариантов доклада, отражающих увлекательную историю движения его текста. К изданию было привлечено 8 из них, один из которых был определен как основной, а все 7 других использовались для подведения в подстрочных сносках многочисленных разнотений².

При определении аутентичного текста публикуемого документа исследователи подчас сильно злоупотребляют, на наш взгляд, предоставленной «Правилами издания исторических документов» (1990 г.) возможностью неоговоренной правки орфографии, синтаксиса и т. д. Для источников 1920-е гг. и более поздних исправление дореформенной орфографии лишает исследователя интересной характеристики автора, не придерживающегося новых правил. Исчезает и обычное для некоторых функционеров (особенно карательных органов) сочетание революционного пафоса с

¹ Лихачев Д.С. Текстология. Изд. 2. С. 175 – 243.

² Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. Отв. сост. Афиана В.Ю. М., 2002. 911 стр. Отметим кстати, что это издание является текстологически образцовым и по другим параметрам: приходится пометы, определены почерк их авторы, раскрыты основания для датировок документов, точно отмечены кутюры и кратко указано их содержание, есть подробный комментарий и все необходимые указатели. Лишь одно обстоятельство можно поставить в упрек составителем: часть реального комментария дается под строкой вместе с текстологическими сносками.

неграмотностью. К тому же на протяжении прошлого и нынешнего веков язык и чиновников, и исследователей постепенно менялся и будет меняться вперед, так что уже через несколько десятилетий неоговоренное приведение языка 1920-х гг. к нормам 2000-х гг. создаст искажение – что за текстами все же издавался, каков был его подлинный, аутентичный вид¹.

Рамки настоящего доклада не позволяют остановиться на многих других текстологических наблюдениях и рекомендациях Д.С. Лихачева, вполне актуальных и для издания советских документов. Кратко отметим лишь еще одну трудосмкую, но вполне необходимую работу публикатора – составление необходимых комментариев и указателей. Незбежность этого традиционного труда уже вполне осознается большинством издателей советских документов. Очень редки ныне случаи, когда обширный том документов вообще лишен комментариев и указателей. Увы, один из подобных примеров – издание нашего Института Истории СО РАН об оборонной промышленности в 1941 – 1945 гг., вполне качественное в других отношениях (указаны основания для датировки, печати, штампы, пометы, отмечены подписи-автографы). Но вместо всех комментариев даны лишь биографические справки о директорах новосибирских предприятий, а указателей вообще нет².

Д.С. Лихачев любил повторять, что настоящая ценность исследователя выявляется по его умению «дотягивать» публикации текстов. Это относится ко всем вышеупомянутым проблемам изучения и издания источника, включая и

¹ Среди немногих изданий, приоритетно сохраняющих «орфографию подлинника и присущие ему стилистические особенности» назовем том «Дети ГУЛАГа» (сост. С.С. Валенский и др; М. 2002.) цепкой серии «Россия. XX век».

² Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Отв. ред. И. М. Соколский. Новосибирск, 2005. Нет реального комментария и указателей и в другом издании ИИ СО РАН: Социально-экономическое и политическое развитие Сибири в документах правоохранительных органов. / Сост. Ильин В.И., Урюковатов А.Л. Новосибирск, 2004. Указатели отсутствуют и в интересной публикации того же института: Этноконфессиональные отношения с Советским государством. Мennonites in Siberia. Изд. подг. Сорин А.Н. Новосибирск, СПб, 2006.

умение составлять истинно научный комментарий. Одно из замечаний Дмитрия Сергеевича на эту тему на наших гла-зах становится все более важным. Еще полтора десятка лет назад включение в комментарий основных биографических сведений о видных деятелях государства было совершенно необходимым и подчас таило немалые открытия (даже в датах жизни или точнее – смерти). Сегодня ситуация здесь быстро меняется и все важнее становится следующее на-ставление Лихачева: «Хороший исследовательский коммен-тарий... не должен излагать тех сведений, которые легко найти в общедоступных энциклопедических словарях и энциклопедиях справочниках. Крупный недостаток некоторых комментариев состоит в неправильном выборе ком-ментируемых мест: комментируется часто то, что легко мо-жет быть установлено, и совсем не комментируется то, на что комментатор не нашел ответа»¹. Так например, даже в упомянутом цennом и тщательно выполненнном издании о послесталинской реабилитации именной комментарий дан лишь на достаточно известных лиц, а там, где требовалось дополнительные выяснения по разным доступным для из-дателей документам, комментарий отсутствует (напр., о Н.Н. Королеве, Р.Э. Кориблюм и др.)².

Мы видим, таким образом, что при несомненном по-вышении текстологических характеристик лучших изданий советских документов, остается немало проблем, поднятых на другом материале Д.С. Лихачевым в его «Текстологии», которые еще неизбежно предстоит решать публикаторам источников Новейшего времени.

¹ Лихачев Д.С. Текстология. Изд. 2... С. 539.

² Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы...